

— Играть Первого Космонавта для меня большая честь. Роль моя по объему невелика. Но она содержит важные для всей картины размышления: о природе подвига, о том, что такое долг и в чем состоит мужество человека. Первый Космонавт в фильме — образ собирательный. Но, играя эту роль, я все время думаю о Юрии Алексеевиче Гагарине. Думаю о том, кем стал в жизни наших современников человек, первым проникший в космос.

Гагарин остался в памяти всех нас символом юности, весны. Он являл собой образец лучших человеческих качеств. Глядя на него, мы думали: вот какими мы можем быть: смелыми, умными, широкими, обаятельными. Его любил весь мир, он был истинным героем нашего времени, идеальным человеком.

Таким я и хотел бы сыграть своего Первого Космонавта.

— Как вы стали актером?

— Профессия актера настигла меня... в школе рабочей молодежи. В известной степени я стал актером случайно. Конечно, я мечтал об этой профессии, но как о чем-то необыкновенно прекрасном и несбыточном. Возможно, я так никогда и не попытался бы осуществить мою мечту, если бы не случай. Я учился в вечерней школе и работал в 29-й больнице Бауманского района Москвы санитаром приемного покоя. В будущем я хотел стать врачом: эта профессия отвечала моей душе. Но однажды — это было вечером в школе, уроки уже кончились, и я собирался уходить — со мной заговорили две женщины, представившиеся работницами «Мосфильма». Они искали героя в фильм «Друг мой Колька».

Для роли главного героя я оказался несколько староват — мне шел тогда семнадцатый год. Но мне сказали, что если я захочу, то могу остаться в съемочной группе рабочим. Конечно, я остался. Был и бутафором, и плотником, и помощником оператора. А потом, осмелев, я подал заявление с просьбой принять меня на актерский факультет. Мне посчастливилось; я выдержал экзамен. Это было в 1962 году.

— Вы рано начали сниматься, кажется, еще будучи студентом...

— Я учился на третьем курсе, когда режиссер Басов пригласил меня на роль Владимира в фильме «Метель» по Пушкину. Легко представить мою радость: Пушкин, большая роль, известный режиссер. Однако радость моя была преждевременной. Едва ступил на съемочную площадку, я обнаружил, что совершенно беспомощен. Работать над ролью я не умел. Владимир Павлович Басов принадлежит к тем режиссерам, которые не дают актеру слишком подробных указаний, как бы не желая навязывать свою волю. Он стремится к тому,

чтобы актер попытался сам найти, что ли, образ. Я же из чувства ложного стыда боялся лишний раз обратиться к режиссеру. Я «бросался» на съемочную площадку, как в холодную воду. И все-таки эта работа мне дорога — она первая.

— Первые работы для актера — это, по сути дела, продолжение учебы для актера. Встретили ли вы в начале своего творческого пути режиссера-педагога?

— Да, во время съемок фильма «Обыкновенное чудо» — экранизации пьесы Шварца. Ставили картину Эраст Павлович Гарин и Хеся Александровна Локшина. Всю жизнь я буду с удовольствием вспоминать работу с ними. Они были не просто постановщиками картины, они были душой съемочной группы. Я старался изо всех сил — просто невозможно было огорчить режиссеров. После неудачного дубля или во время репетиции /никак не получавшейся сцены я твердил себе в утешение фразу Юного пажика из шварцовской «Золушки»: «Я не волшебник. Я только учусь». К сожалению, я не мог произнести его следующую фразу: «Но ради тех, кого я люблю, я способен на чудеса». Ох, как далеко мне было до чудес. Мне не хватало элементарной актерской техники. И все-таки именно на этой картине я почувствовал себя актером, почувствовал, что могу быть им.

— Как это случилось?

— Снимался в общем-то проходной эпизод. Я должен был войти в кадр и подойти к Принцессе. Простое физическое действие. Но как иногда бывает трудно его сыграть. Не знаю, что случилось, но я вдруг почувствовал себя свободным, раскованным. Может быть, впервые я ощутил радость творчества, а не только его муки.

— А как вы оцениваете результаты этой работы?..

— «Обыкновенное чудо» пользовалось успехом у зрителей. И «виноваты» в этом только постановщики фильма. И Шварц, конечно. Для меня этот фильм был хорошей школой. Вот почему я считаю Гарина своим учителем. Так же как Бориса Андреевича Бабочкина, актерскую мастерскую которого я так часто посетил. Кстати, съемки в «Обыкновенном чуде» помогли мне в работе над ролью царя Гвидона в фильме А. Птушко «Сказка о царе Салтане».

— Следующей вашей работой в кино, если не ошибаюсь, была «Красная мантия», картина датского производства. Как случилось, что вас пригласили сниматься за рубежом?

— В Москву в составе делегации датских кинематографистов приехал режиссер Габриэль Аксель, который собирался ставить фильм

СЕЙЧАС НА КИНОСТУДИИ «МОСФИЛЬМ» СНИМАЕТСЯ КАРТИНА, ПОСВЯЩЕННАЯ СОЗДАТЕЛЯМ СОВЕТСКОЙ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ, ЛЮДЯМ, ШТУРМУЮЩИМ ВСЕЛЕННУЮ. «УКРОЩЕНИЕ ОГНЯ» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ БУДУЩИЙ ФИЛЬМ — СТАВИТ ПО СОБСТВЕННОМУ СЦЕНАРИЮ КИНОДРАМАТУРГ И РЕЖИССЕР Д. ХРАБРОВИЦКИЙ.

В СЦЕНАРИИ ЕСТЬ РОЛЬ ПЕРВОГО КОСМОНАВТА. ЕЕ ИГРАЕТ МОЛОДОЙ АКТЕР ОЛЕГ ВИДОВ. МЫ ПОПРОСИЛИ ЕГО РАССКАЗАТЬ О РАБОТЕ НАД РОЛЬЮ, О ТОМ, КАК НАЧАЛСЯ ЕГО ПУТЬ В КИНОИСКУССТВЕ.

РЯДОМ

С ИНТЕРЕСНЫМ

СОБЕСЕДНИКОМ

ВЫБОР БУДУЩЕГО...

по старинной скандинавской саге. Делегации показали «Обыкновенное чудо». Аксель захотел увидеть меня — ему показалось, что я мог бы сыграть главного героя в его картине. Наша встреча состоялась в Комитете по кинематографии. А через месяц я выехал в Копенгаген на съемки.

— Расскажите подробнее о съемках этого фильма.

— Поначалу было очень трудно. Трудно до того, что я был готов отказаться от этого фильма. Языка я не знал. Конечно, у меня был переводчик, хороший переводчик. Но это ужасно, все время чувствовать себя зависимым от чьего-то обязательного присутствия. Кроме того, меня в достаточной степени неприятливо встретила часть датской прессы — журналистов раздражало, что роль викинга будет играть чужестранец. Потом, когда начались съемки, как это ни странно, стало легче. О журналистах было некогда думать, надо было работать. А к концу второго месяца я заговорил по-английски. Условия съемок были тяжелые: фильм почти целиком снимался на натуре. Мы обосновались в Исландии, в тундре. Погода стояла плохая, в июле иногда выпадал снег.

Фильм «Красная мантия» поставлен по скандинавской саге о «Хагбарде и Сигне», саге старинной и

прекрасной. По сути дела, это легенда о северных Ромео и Джульетте. Фильм «Красная мантия» — о времени, когда чаще звенели мечи, нежели песни, когда лилась кровь. Картина направлена против вражды и насилия.

«Красная мантия» — фильм с очень действенным сюжетом. В общем-то мне нравятся такие картины, ибо я по своему характеру человек динамичный. К тому же роль Хагбарда счастливо сочетала в себе действенность и глубокий психологизм.

Работа над ролью началась для меня с «освоения» костюма.

Только на первый взгляд может показаться, что носить средневековый плащ или кольчугу так же легко, как современный костюм. Мне пришлось довольно долго тренироваться носить «костюмы» Хагбарда, чтобы не выглядеть на экране человеком, собирающимся на бал-маскарад.

— Как был встречен фильм в Дании?

— Он имел успех. Фильм демонстрировался на Каннском фестивале... И на Московском тоже. Одна из французских газет назвала вашего Хагбарда Джеймсом Бондом XII века...

— Я не знал об этом. Но если об этом на самом деле писали так, то, на мой взгляд, это сделано было ради пушечного эффекта. Что общего

между Хагбардом и Джеймсом Бондом?.. Ведь Хагбард — олицетворение самого благородства и чести, чего никак не скажешь о пресловутом герое, появившемся на западном экране в наши дни.

— Вы, кажется, кроме Дании, снимались еще и в Югославии?

— Да. В фильме Велько Булайича «Битва на Неретве». Это фильм о борьбе с фашизмом, о пераборках — так в Югославии называют людей, первыми вступивших в борьбу против гитлеровцев и их югославских приспешников — усташей и четников.

Я играл трагическую роль комиссара отряда Николы. Выходя из окружения, мой герой погибает.

— С кем из больших актеров вам приходилось сниматься вместе?

— С Сергеем Федоровичем Бондарчуком, Орсоном Уэллсом в «Битве на Неретве». В «Красной мантии» с Гуно Бьенстрандом, постоянным актером Ингмара Бергмана. С Родом Стайгером в фильме «Ватерлоо».

— Что такое, в вашем понимании, большой актер? Особенности его работы на съемочной площадке?

— Прежде всего, когда видишь на съемочной площадке или на экране Сергея Бондарчука или Михаила Ульянова, Орсона Уэллеса или Рода Стайгера, ощущаешь, что это не просто хорошие актеры, но и значительные личности. Я вообще убежден, что случайный человек не может стать большим артистом.

Вероятно, в профессии актера есть нечто такое, что невозможно логически объяснить. Каким образом Сергей Федорович Бондарчук добивается этой удивительной естественности поведения перед камерой?.. Каждый его жест, каждая интонация предельно убедительны... Но что он делает для этого?.. Не знаю. Знаю только, что для того, чтобы стать настоящим актером, мало одного таланта. Нужны чутье, воля, труд. Все актеры, которых я назвал, в полной мере обладают этими качествами.

— С Бондарчуком вы не только вместе снимались, но и снимались у него, в его фильме?

— Да, в фильме «Ватерлоо». Я играл роль английского солдата. Томсон — так зовут моего героя — во время атаки французских улан на английский каре не выдерживает, расталкивает товарищей и, выбежав навстречу мчащейся конной лавине, кричит: «Почему мы убиваем друг друга, почему мы должны умирать? Ведь мы даже не знаем друг друга». Роль небольшая, но содержащая очень важную для фильма антивоенную тему.

Что я могу сказать о Сергее Федоровиче Бондарчуке? Он прекрасный режиссер. Во время работы он очень активен, умеет создать предельно творческую атмосферу, в которую увлекает весь съемочный коллектив. Сниматься у Бондарчука — это значит

непрерывно преодолевать сложные препятствия, хотя задачи, которые он ставит перед актером, кажутся, на первый взгляд, элементарными, настолько точно, конкретно он излагает их. Но выполнить эти задачи бывает очень трудно, ибо Бондарчук требует, чтобы ты сделал это блестяще. Но в конце концов, он добивается от актера того, чего хочет. В общем он умеет превратить актера в точный инструмент, исполняющий его замысел. А это, на мой взгляд, очень важное качество для современного кинорежиссера.

— Профессия актера — это особая профессия. Вы согласны? Что вы думаете по этому поводу?

— Не помню, кто-то сказал, что самое главное для актера — жить с пользой для своей профессии. Актеру, если он, конечно, всерьез относится к своей профессии как к делу всей жизни, нужно постоянно обогащать себя знаниями, постоянно держать себя в форме. Чтобы сейчас работать в кино, нужно много знать и еще больше уметь.

Играть в кино — это значит каждый раз жить новой жизнью. Наши специальные учебные заведения, в частности ВГИК, который я окончил, дают нам, актерам, очень многое. Хорошее образование, актерскую технику. Но чтобы сниматься сейчас в кино, мало уметь двигаться, быть пластичным, иметь хорошую дикцию. Нужно уметь еще делать тысячу вещей. Посмотрите, как держит руль машины Олег Ефремов в фильме «Три тополя на Плющихе» или как режет хлеб Михаил Ульянов в «Председателе». Этому не учат ни в одной актерской школе. Но без этого никогда не добьешься достоверности в своей игре, сколь талантливы ты бы ни были. Наше ремесло отнимает все время без остатка...

— Но все-таки чем вы увлекаетесь, помимо своей профессии?

— Беру уроки английского, самостоятельно занимаюсь сербско-хорватским. Впрочем, знание языков я считаю тоже необходимым для своей профессии.

— Когда вы испытываете настоящую радость?

— Когда вижу настоящее произведение искусства. Особенно, когда смотрю хороший фильм. Искусство сближает людей — это не пустые слова. Когда я вижу зрительный зал, живущий одними чувствами, одними эмоциями, вызванными прекрасной игрой, скажем, Ульянова, Ефремова или Матрояни, я горд и счастлив своей профессией. И еще я думаю тогда, что, может быть, когда-нибудь и мне удастся, посчастливится сделать в искусстве что-нибудь настоящее. Что и я вдруг смогу подарить людям радость, которая всегда бывает при встрече с истинным искусством.

П. ПЕТРОВА.